

0055

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэрол Маринелли

ЖЕНА МОЯ,
КОРОЛЕВА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэрол Маринелли
Жена моя, королева
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 55

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589605

Жена моя, королева: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02541-8

Аннотация

Завиан, король небольшого государства, должен взять в жены Лейлу, королеву соседнего Хейдара. Так давным-давно решили их родители. Конечно, он исполнит свой долг, ведь того требует его положение, но любить эту женщину не сможет...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кэрол Маринелли

Жена моя, королева

Пролог

Стоя перед зеркалом, Лейла внимательно следила за тем, как служанки окутывают ее покрывалами. Прекрасная грудь, стройные колени, точеные щиколотки постепенно исчезали в золотых волнах расшитых драгоценными камнями тканей. Черные как вороново крыло волосы, розовые щеки, полные губы тоже скрылись, остались только глаза.

Свои одежды она снимет не дома, в родном дворце, а в пустыне королевства Кьюзи, перед лицом того, кто должен сегодня стать ее мужем.

Король Завиан аль-Рамис, за которого Лейла была просватана в раннем детстве, решил, наконец, после стольких лет промедления совершить брачный обряд. Он заставил ждать ее и, что еще хуже, ее народ.

Лейла была старшей из семи сестер. Ее мать умерла, пытаясь произвести на свет наследника мужского пола. Увы, и королева, и мальчик не выжили... И приверженные традиции жители Хейдара вынуждены были смириться с тем, что ими будет править королева. Но ее отец проявил мудрость. Давным-давно он заключил договор с королем соседнего го-

сударства Кьюзи, что единственный сын и наследник этого владыки вступит в брак со старшей дочерью короля Хейдара. Завиан взойдет на престол, и народ Хейдара успокоится. А от этого брака, конечно, родится сын, который когда-нибудь станет править обоими королевствами. Но заключение брачного союза все время откладывалось.

После смерти отца Лейла стала королевой Хейдара. Старейшины полагали, что женщина будет королевой только номинально, а они возьмут на себя труд наставлять ее и править по старинке. Но старейшины просчитались – Лейла утвердила свою власть, отказываясь подписывать что-либо или высказываться в пользу чего-либо, что казалось ей неразумным.

А ее ранняя помолвка... Завиану нравилась его холостяцкая жизнь, и только гибель родителей подтолкнула его к женитьбе. Лейла, ожидая, когда же он призовет ее для брачной церемонии, успела достаточно повзрослеть. Она управляла страной по-своему, ответственность сделала ее мудрой. Завиан медлил слишком долго и теперь вряд ли мог предъявлять права на правление в Хейдаре. Она не собиралась покорно передавать власть над страной человеку, которому не было дела ни до ее народа, ни до нее как супруги.

Недавняя гибель родителей Завиана потребовала от него немедленных действий, и принц-плейбой покинул Европу, чтобы торжественно вступить на престол королевства Кьюзи. Прирожденный лидер, он смог, несмотря на личное го-

ре, поддержать свой пораженный утратой народ, помочь людям пережить тяжелые времена. Лейла знала это, потому что внимательно наблюдала за ним. Они не только ни разу не обменялись ни единым словом, она и видела его только издали. В последнее время Лейла предусматривала в своем плотном расписании время на то, чтобы внимательнее следить за ним, записывать и прослушивать его речи, убедительные и властные.

Он больше не был принцем Завианом. Он стал королем. А королю требовалась невеста...

Лейла все это знала и, наблюдая за ним издали, видя, как человек, который однажды должен стать ее мужем, живет беспутной жизнью, скорее ревновала, чем сердилась. Ревновала к тому, что Завиан мог заводить любовниц, жить свободно и бурно, а она должна была ждать. А ведь ей уже двадцать шесть лет...

И вот сегодня ее час настал. Пусть это только деловое соглашение, брак по расчету, пусть в дальнейшем они будут большую часть времени жить вдали друг от друга. Сегодня вечером он отвезет ее в пустыню Кыузи. Сегодня вечером она окажется лицом к лицу со своим мужем...

Лейла вдруг обрадовалась тому, что ее лицо скрыто под покрывалом, потому что она покраснела. Сегодня ночью король Завиан аль-Рамис разделит с ней ложе. Прежде она никогда ни с кем не делила ложе.

Ей хотелось, чтобы Завиан был чуть менее красив, что-

бы лицо, которое она видела в газетах, по телевидению, в Интернете, не обладало таким мужским обаянием. Как она вглядывалась в его черты! Иногда, когда Лейле казалось, что он смотрит с экрана именно на нее, у нее перехватывало дыхание.

Он выглядел так, как и должен выглядеть король. Римский нос, высокие скулы, великолепные черные волосы говорили о высоком происхождении. Его облик и манера держаться свидетельствовали об уверенности в себе и присутствии духа. Когда долг призывал их в одно и то же место для участия в одних и тех же церемониях, Лейла, скрываясь под покрывалом, следила за своим нареченным в надежде, что эти черные глаза заметят ее, что он улыбнется ей или даже слегка кивнет головой. Она была бы рада любому знаку, что будущая жена Завиану не безразлична.

Но он не подал ей такого знака. Более того, в прошлом году, во время коронации Стефани, королевы Аристо, он стоял рядом с ней и просто проигнорировал ее... Воспоминание о том позоре все еще ранило Лейлу. Ее мучило его равнодушие, его очевидное недовольство их будущим союзом.

– Ваше величество... – Она скосила глаза на одного из своих ближайших советников, Имрана, который теперь, когда процедура одевания завершилась, вошел, чтобы решить какие-то сиюминутные вопросы, пока его королева еще не отрешилась на целую неделю от государственных дел. – Нам срочно требуется ваша подпись на переделанном договоре о

сапфировых копиях...

А ведь сегодня день ее свадьбы! Но долг прежде всего. И она, королева Хейдара, знала свой долг.

Вместе с ней в Кьюзи на свадьбу прибыла целая команда – советники, прислужницы, и Бейджа, ее первая дама.

Ох, как советники и старейшины злились в тот день, когда королева впервые высказала свое мнение вслух! Вместо того чтобы покорно поддакивать им и позволять править по старинке, она решительно взяла власть в свои руки. А это значило, что надо постоянно напоминать старейшинам, что она – королева, и решающее слово за ней. Это было слишком утомительно – постоянно выверять и проверять цифры и факты, знать, что ее так называемые помощники только и ждут, чтобы она проявила слабость. Они хотели, чтобы ничего не менялось, чтобы Хейдар остался таким, каким был веками, чтобы его народ не мог пользоваться богатствами своей земли.

– Все это может подождать! – Лейла остановила на Имране суровый взгляд. – Сегодня я ничего не подписываю. – Она увидела, как его губы сжались. – Все это можно отложить до моего возвращения.

– Работы должны начаться...

– Они начнутся, когда я вернусь, – отрезала Лейла, – и внимательно прочитаю исправленное соглашение. И только в том случае, если оно устроит меня.

Ее голос звучал сурово, но она чувствовала, что ее душат

слезы. А Имран не должен видеть ее слез. Лейла отвернулась и стала смотреть на океан.

Сегодня день ее свадьбы! Неужели она не имеет права стать просто женщиной на один день и одну ночь?

Кажется, нет.

– Нам также надо обсудить продолжительность визита в Хейдар короля Завиана, – не унимался Имран.

– Никаких обсуждений не может быть, пока не совершится обряд бракосочетания, – ответила Лейла, все еще стоя к нему спиной. Она знала, что при малейшем проявлении слабости с ее стороны Имран бросится в атаку. – А теперь, если вы любезно позволите мне заняться такой мелочью, как моя свадьба, я вскоре смогу опять полностью сосредоточиться на делах Хейдара.

Фактически она прогнала Имрана, но тот не ушел. Лейла знала, что сейчас будет. И заговорила первой, глядя на советника через плечо:

– Позвольте мне еще раз напомнить вам: никакие – слышите? – никакие решения не должны приниматься до моего возвращения!

– Конечно, – тихо ответил Имран. – Хотя, если возникнет что-то срочное, ваше величество, несомненно, достаточно доверяет своему совету старейшин...

– Имран! – Ее слезы высохли, и, когда она повернулась к нему, ее взгляд уже был суров, а голос звучал очень твердо – как всегда, когда она отдавала приказания. – Я взяла с со-

бой компьютер, а если по каким-то причинам со мной нельзя будет связаться, вы сядете в вертолет и посетите меня в пустыне.

– Мне казалось, ваше величество предпочли бы, чтобы вас не беспокоили, – начал Имран.

– Я уже говорила вам, чтобы вы никогда не пытались угадывать мои мысли.

– Конечно, ваше величество.

Он ушел.

– Сделайте глубокий вдох, Лейла, – мягко сказала Бейджа.

Бейджа, милая Бейджа, которая во время таких сцен ничего не говорила, но все слышала. Бейджа, которая видела, какие слезы она проливала порой по ночам. Единственный, кто знает, какая тяжесть лежит на ее плечах...

– Он воспользуется моим отсутствием и сделает что-нибудь, – сказала Лейла.

– Это было бы глупо. Вы дали очень четкие распоряжения.

– Он исказит мои слова.

– Тогда напишите их.

Лейла была благодарна Бейдже за ее мудрость, ее терпение. Она доверяла ей почти абсолютно. Почти, потому что давно поняла, что абсолютно может доверять только самой себе.

– Я так и сделаю.

– Но сначала вы должны выйти замуж, – заметила Бейджа.

Лейлу повели через покои и коридоры дворца, увешанные

портретами прежних владык. Смотреть на картины и слушать шорох своих покрывал было легче, чем думать, что через минуту она будет стоять рядом с Завианом.

Жар пустыни опалил Лейлу, когда она вышла из дворца. Ее повели по белой дорожке через ухоженный сад – истинный оазис в пустыне.

Свадебная процедура должна была быть краткой. На следующей неделе, когда, согласно традициям Хейдара, она, как замужняя женщина, не должна будет больше носить покрывала, состоится официальный прием. Их представят правителям и знатнейшим особам соседних стран. Но сегодня на свадьбе будут только судья и старейшины двух государств.

Она стояла в прохладной тени апельсинового дерева, вдыхала аромат цветов, слушала бесконечное пение фонтанов – и ждала. Он заставил ее ждать десять лет. Так что ей лишние десять минут ожидания? А потом еще десять...

Ей принесли стул, но она отказалась садиться. Стыд жег ее. Мог ли этот человек яснее дать ей понять, как мало она ему интересна? Ей захотелось пройтись. Захотелось пренебречь традициями и сказать ему, что она думает о его поведении.

– Король не замедлит прибыть.

Лейла посмотрела на свои крепко стиснутые кулаки. Ей стоило больших усилий, чтобы не повернуться и не уйти. Она крепко прикусила губы, чтобы не сказать что-нибудь,

что могло бы и не понравиться ее народу.

– Может быть, ваше величество пока присядете? – Ей опять подали стул. Один из пожилых старейшин уже сидел и обмахивался веером.

«Может быть, они принесут прохладительные напитки, – зло подумала Лейла, – или срежут несколько апельсинов прямо с дерева? А потом будут стоять тут и обсуждать, что делать, когда король отказывается явиться на собственную свадьбу».

Проклятый долг! Какой стыд...

Но она пойдет на это ради своего народа. Если того требует традиция, она заключит этот союз. Но король Завиан заплатит ей за все унижения! Если он думает, что может скверно обращаться с ней, что она будет покорно сносить оскорбления и слушать его приказания, – тем хуже для него. Королю Завиану следовало бы знать, что за женщина прячется под этими покрывалами. Мужественная, гордая. Волевой, сильный правитель – слишком сильный, если послушать ее старейшин.

Сегодня вечером она выскажет ему в предельно ясных выражениях, что она думает о его поведении.

«Он понятия не имеет, что его ждет», – подумала Лейла.

Глава 1

Король Завиан аль-Рамис еще раз перечитал письмо. Он получил много писем с пожеланием счастья в день его свадьбы.

Это письмо прислал король Калисты Закари. Его поздравления были пышны и многословны, а в конце Закари сообщал, что надеется лично поздравить его через неделю на официальном приеме.

Это было уже третье письмо от Закари.

Первое содержало соболезнования по случаю гибели его родителей и приглашение в Калисту. Завиан не ответил. Он просто сжег то письмо.

Во втором письме Закари благодарил за дар от имени народа Кыюзи по случаю рождения их сына, принца Зафира. Завиан опять не ответил, хотя хранил письмо несколько дней и время от времени перечитывал. Но в конце концов и его бросил в огонь.

И вот теперь это...

«Тут нет ничего особенного», – говорил себе Завиан, наконец уже в сотый раз перечитывая письмо. Он сам не знал, чего ищет в послании.

Его невеста ждала его. Он уже и так задерживался непрослительно долго. Но письмо...

Это было формальное письмо от Закари, короля Калисты,

и его супруги, Стефани, королевы Аристо. Их брачный союз воссоединил королевство Адамас. «Так почему же, – думал Завиан, – на письме Закари стоит герб не Адамаса, а Калисты?» Он провел рукой по изображению герба. Почему это так его беспокоит?

Беспокойство владело им со дня коронации Стефани, с того момента, как она посмотрела ему в глаза, и он увидел в них... испуг? Нет, не просто испуг! Она чуть не лишилась чувств. Но он беседовал с ней, пока ее муж не понял, что что-то не так, и не увел жену. Как потом выяснилось, Стефани уже была беременна. Этим все и объяснялось.

Все ли?..

Завиан почувствовал что-то еще до того, как Стефани обратилась к нему. Еще тогда, когда король Закари медленно следовал вдоль шеренги гостей. Сердце его заколотилось так, как иногда колотилось по ночам, отчего он просыпался весь в поту...

И Завиан не решался признаться себе в том, что оно билось от страха.

– Все готово, ваше величество. – Завиан не повернул головы, когда его визирь Акмаль вошел в комнату. – Ваша невеста ждет. – В голосе Акмаля он услышал некоторое смущение.

Его невеста, Лейла, королева Хейдара, ждет уже довольно долго. Все давно готово к началу церемонии. А жених не идет и не идет...

Через некоторое время Акмаль пришел опять – чтобы убедиться, что ничего не изменилось: жених стоял на том же месте, у окна, и так же задумчиво смотрел на океан.

– Я скоро буду.

– Ваше величество, позвольте вам предложить...

– Ты слышал, что я сказал? – Только теперь король повернулся к визирю. Черные глаза короля, горевшие гневом, словно прожигали Акмалья насквозь: пусть помнит и не забывает, кто перед ним!

В оливкового цвета военной форме королевства Кьюзи, с орденами на груди, с мечом на перевязи, Завиан выглядел весьма впечатляюще. Впрочем, он всегда выглядел впечатляюще – высокий, стройный, широкоплечий, мускулистый. Он мог и без орденов и меча внушить почтение окружающим.

– Пусть ждет, пока я не буду готов.

– Ваше величество...

Акмаль знал, что возражать по меньшей мере бесполезно, поэтому отвесил короткий поклон и вышел. А Завиан, оставшись один, опять повернулся к океану.

Он знал, что Лейла будет ждать. Она ждала этого дня десять лет. Они были сосватаны еще в раннем детстве и должны были пожениться десять лет назад. Но Завиан решил наслаждаться свободой.

Теперь все это позади.

Завиан вышел на балкон. И почему с этого балкона виден океан, а не пустыня? Пустыня, где он иногда обретал покой и

куда собирался сегодня отвезти свою невесту. Как противна ему эта мысль!

С тех пор как родители Завиана погибли в авиационной катастрофе, его постоянно наставляли советники: он должен прекратить вести себя как плейбой. Теперь он – король, а короли живут не так, как принцы. Короли женятся и производят наследников, и Завиан должен поступить так же.

И вот три месяца глубокого траура позади, и свадьба, которую он постоянно откладывал, должна вот-вот состояться.

Церемония будет скромной: пышные торжества не уместны, когда страна еще не оправилась после своей потери. Завтра народу сообщат, что король вступил в брак, а он до официального приема удалится со своей невестой в пустыню. По окончании траура, который продолжится приличествующее время, будет назначен день коронации, и тогда народ сможет праздновать. А может быть, праздник будет двойным: через девять месяцев после свадьбы на свет может появиться принц...

Акмаль советовал Завиану воздержаться от сексуального общения в предсвадебную неделю, чтобы его семя было обильным и продуктивным, но Завиан проигнорировал совет.

Его семя всегда обильно!

Эта свадьба – всего лишь деловое соглашение, не более. Хейдар бедствует под управлением женщины. А Завиан сможет, пусть лишь во время кратких визитов, направлять эту

страну сильной мужской рукой.

И конечно, он заведет любовницу. Возможно, даже нескольких. Он не собирается спать по ночам один...

Иногда он просыпался ночью от сильного сердцебиения. Наштупывал рядом с собой женщину, чувствовал, как она обвивает его своим телом, отшвыривал ее прочь, вставал и одевался. Или отсылал ее в комнату наложниц. Он не хотел, чтобы его видели в такие минуты. И сейчас его сердце сильно билось, в груди что-то сжималось. Глаза Завиана впились в волнующийся перед ним океан. Его тошнило, как если бы он плыл в этом океане. Он чувствовал, как лоб покрывается потом. Широкие шрамы на запястьях горели и болели, а взгляд блуждал по безбрежному океану в поисках чего-то – он сам не знал чего...

Усилием воли Завиан заставил себя оторвать взгляд от океана, приказал сердцу утихнуть, безумию – остановиться. Он успокоил себя мыслью не о девственнице невесте, а об одиночестве в пустыне.

Да! Он перетерпит процедуру свадьбы, увезет жену в пустыню, завершит бракосочетание, а завтра пойдет просить совета у земли, которой правит, просить ее даровать ему покой...

Несколько успокоенный, он пошел через комнату, все еще держа письмо в руке. Остановился у большого напольного канделябра и некоторое время смотрел, как герб Калисты сияет в пламени свечи, а потом бросил письмо в горящий

камин, вслед за прежними письмами.

Когда Завиан резко распахнул дверь, Акмаль едва не упал. Завиан остановился, сурово посмотрел на визиря и, готовый теперь исполнить свой долг, продолжил путь в сад по увешанному портретами предков коридору.

Старейшины сидели, но встали при его появлении. А невеста даже не подняла головы. Она стояла, опустив глаза, в блестящем платье из золотой ткани, с укутанной покрывалом головой.

Этого он и ожидал.

Хейдар твердо держался традиций. Женщины здесь не показывали свои лица до свадьбы. Но даже многочисленные слои ткани не могли скрыть полноты ее фигуры.

«Прелестно, просто прелестно! – зло подумал Завиан. – Придется делать ребенка этой наивной толстушке. Да где же предел этим проклятым обязанностям?»

В редких случаях старейшины Хейдара шли навстречу велениям времени. Сейчас, например, они разрешили фотографировать брачную церемонию – великое торжество, великое событие, которого так долго ждали народы Хейдара и Кьюзи.

Судья наконец начал церемонию. Он спрашивал Лейлу, готова ли она быть верной женой, служить своему мужу, рожать ему детей, ухаживать за ним и его потомством...

Потом настал черед Завиана.

Будет ли он заботиться о жене?

На этот единственный вопрос король ответил:

– Да.

Теперь она взглянула на него, он увидел глаза потрясающего фиалкового цвета, но длинные ресницы тут же вновь опустились. Завиан вздохнул свободнее: эти глаза были ясными, блестящими и, вообще говоря, даже красивыми. Может быть, можно попросить ее держать их открытыми сегодня ночью?

Церемония была очень недолгой. Их глаза встретились на одно мгновение, но именно это мгновение, запечатленное на снимках, увидит завтра мир на страницах газет. Завиан аль-Рамис, король Кьюзи, а теперь и Хейдара, и его невеста, Лейла аль-Рамис, королева Хейдара, а теперь и Кьюзи. Столь долгожданный союз, наконец, официально заключен.

– В пустыню мы отправимся через час, – впервые обратился он к своей жене. – Надеюсь, вы довольны моими людьми?

Она ничего не ответила. Только коротко кивнула, по-прежнему глядя вниз.

– Нужно ли вам что-либо? – Он попытался завести разговор или хотя бы немного успокоить ее, но в ответ она только кивала или качала головой. И Завиан зло фыркнул: – Встретимся через час.

«Ничего не скажешь, чудная ждет меня ночка», – думал он, шагая в свои покои, громко стуча подкованными сапогами по мраморному полу дворца.

Глава 2

Завиан сердито смотрел на Акмаля, пока его камердинер помогал ему снять военную форму и одеться подобающим для медового месяца образом.

– Я не останусь там на целый месяц! Я согласился провести в Хейдаре одну неделю.

– Ваше величество, наши советники всего лишь отвечают на то, что слышали от людей. – Акмаль неловко кашлянул: – Королева просмотрела пресс-релиз и просила...

– Что?! – Завиан резко повернул голову. Он осматривал себя в зеркало, но слова Акмаля требовали жесткого ответа. – Почему вы беспокоите ее такими мелочами?

– Ее величество сами захотели его увидеть... – Губы Акмаля сжались так плотно, что ему стоило усилий продолжить говорить: – Ее величество также просили, чтобы вы провели месяц в Хейдаре. Ее величество полагают, что жители Хейдара захотят, чтобы их новый король остался с ними на некоторое время. Так они смогут поверить, что вы служите и им. Им нужен этот союз, ваше величество.

На Завиана все это не произвело впечатления. Он понимал, что провести неделю в пустыне необходимо. Неделю. Ночи с молодой женой, прогулки по его пустыне днем... И он согласился после официального приема провести неделю в Хейдаре – успокоить народ и подписать важнейшие доку-

менты. А потом – неизбежное появление с женой в формальной обстановке, ночь-другая в ее постели, когда она способна зачать, и только. Остальное время каждый из них будет заниматься своими делами.

В Хейдаре было беспокойно. Завиан это знал. Слабовольная, безответная женщина, на которой он только что женился, вряд ли может пользоваться уважением своих приближенных, не говоря уже о всем народе. Но Завиан был сильным, уверенным в себе правителем. Порой ему приходилось испытывать страшное давление со стороны своих старейшин, со стороны Акмаля. Отчаянное сопротивление любым переменам. Но Завиан никогда не сомневался в том, прав ли он. Да, он слушал советников, обдумывал их слова, иногда спрашивал совета у пустыни, но всегда принимал собственные решения. А приняв, никогда не менял их.

«Наверное, чертовски трудно быть королевой», – с усмешкой подумал Завиан. И пошел на компромисс, что бывало с ним крайней редко:

– Две недели. Скажите ей, что я готов провести в ее стране две недели...

– Я думаю, будет разумнее провести там месяц. – Нежный голос наполнил комнату.

Акмаль и камердинер застыли, потрясенные, увидев, что Лейла вошла, незваная, в покои короля!

– Вам не следует здесь находиться... – Акмаль мгновенно пересек комнату, готовый выдворить Лейлу за дверь, но

твердый взгляд фиалковых глаз остановил его. И когда она вновь заговорила, ее голос был уже не столь нежен:

– Вы будете называть меня «ваше величество».

Она стояла совершенно спокойно, все еще укутанная покрывалом. Акмаль низко поклонился. Бедняга явно разрывался между необходимостью соблюсти этикет и потребностью защитить своего господина. Но Завиан не рассердился. Наоборот. Он пришел в восторг. Он с удовольствием наблюдал, как Акмаль старается умиротворить их обоих. И – редкий случай! – на его губах заиграла улыбка.

– Ваше величество, я как раз намеревался идти к вам, чтобы сообщить решение короля...

– Как неприятно, – королева больше не смотрела на Акмаля, она перевела взгляд на Завиана, и улыбка слетела с его лица, – что муж и жена должны разговаривать друг с другом через советников. – Она продолжала смотреть в глаза Завиану. – Пожалуйста, сообщите королю, что в этом вопросе королева, к сожалению, не может ему уступить. Народ Хейдара должен знать, что их новый король помнит свои обязанности и хочет помочь управлять страной. Мимолетный визит народ не успокоит.

– Ваше величество. – Акмаль начал добросовестно пересказывать ее слова. – Королева изволила сказать...

– Замолчите! – прикрикнул Завиан на визиря. – Оставьте нас.

Когда Акмаль ушел, попутно выпихнув из комнаты и ка-

мердинера, Завиан медленно пошел к Лейле, но она не шевельнулась, лишь слабо моргнула. Видны были только ее глаза, но на этот раз они не опустились при его приближении.

– Я обдумал вашу просьбу, – сказал Завиан, – и, поскольку я серьезно отношусь к моим новым обязанностям...

– Так серьезно, – прервала она, – что даже не соизволили явиться вовремя на церемонию бракосочетания!

Да как она смеет?!

Она не должна задавать ему вопросы! Она должна была бы гордиться, что король Кьюзи стал ее мужем!

– Я опоздал не без причины. – Он не должен был бы давать даже такое объяснение, и уж конечно не должен был сообщать ей причину своего опоздания.

Ему никогда и никому не приходилось давать объяснения. Достаточно было его решения, его слова его присутствия. Неужели она думает, что он будет стоять перед ней и объяснять причины?

Но она тем не менее ждала объяснений.

Такое нахальство вызвало у Завиана жесткую улыбку. Что ж, может быть, он и скажет ей, в чем дело, и посмотрит, как она воспримет тот факт, что ее новому мужу иногда кажется, что он сходит с ума. Что шрамы на его запястьях горят так сильно, словно вот-вот лопнет кожа. Что иногда, когда он просто спокойно сидит, ему чудится, будто он слышит, как смеется ребенок...

Завиан мог вообразить ее реакцию на такие признания.

Особенно если он добавит, что этот ребенок – он сам.

– Вы заставили меня прождать почти час, – Лейла пристально смотрела ему в глаза, – и никак не объяснили свой поступок. Однако вы считаете, что я поверю, будто вы серьезно относитесь к своим обязанностям. Сегодня вы своими обязанностями пренебрегли. – Губы Лейлы плотно сжались под покрывалом.

– Замолчите!

Его рука взметнулась вверх. В этот момент Завиан, который никогда не бил женщин и никогда не смог бы ударить женщину, готов был нанести ей удар. И тут же осознал, что на самом-то деле злится на себя самого.

Сегодня он действительно пренебрег своими обязанностями. Всегда аккуратный, всегда точный, Завиан был сегодня рассеян. Он редко признавался в своей неправоте, но хорошему правителю это иногда необходимо. И вместо того, чтобы ударить ее, он совершил нечто необыкновенное.

– Дело не в вас. – Он увидел, что между тонкими бровями появились две вертикальные морщинки. – Я не хотел заставлять вас ждать, или пренебрегать своими обязанностями, или превращать брачную церемонию в фарс... – Завиан слышал слова, которые произносили его губы, и не мог поверить, что их произносит именно он, что он – первый раз в жизни! – объясняет кому-то свои поступки. – Но мне принесли письмо... – Он увидел, что морщинки стали резче. – Надо было бы отложить его, прочесть позже. Я знал, что оно

может меня отвлечь. — Он сглотнул. — Так и случилось.

Завиан сказал очень немного, но она поняла, что он сказал больше, чем когда-либо говорил, и, после секундного колебания, кивнула.

— Уверена, у вас многое лежит на душе, — мягко произнесла Лейла. — Я тоже вспоминала сего дня своих родителей. Но вы испытали горечь утраты совсем недавно... Я принимаю ваши извинения.

Завиан хотел возразить, что, вообще-то говоря, не извинялся. Или извинялся? Должно ли извинение обязательно включать слово «извините»?

— Если народу будет приятно, что его новый король останется с ним надолго, я готов согласиться на месяц, — продолжил он свою речь. — С другой стороны, народ Кьюзи тоже захочет провести больше времени со своей новой королевой. Поэтому я предлагаю: вернувшись из пустыни, мы не отправимся сразу после официального приема в Хейдар, а задержимся на неделю тут.

Что он делает? Губы Завиана спокойно выговаривали слова, а в душе бушевала буря. Он связал себя на шесть недель: неделя в пустыне, неделя здесь, месяц в Хейдаре. Шесть недель с ней... шесть вместо двух... шесть недель с женщиной, которая так нагло бросила ему вызов! С женщиной, которая не опускает глаз, которая даже сейчас продолжает смотреть ему прямо в глаза и говорит спокойно и мягко:

— Я сочту за честь возможность отдать свое время народу

Кьюзи и ближе узнать его.

– Хорошо, – отрезал Завиан.

Она продолжала смотреть на него, и у него возникло сильное желание сорвать с нее покрывала и увидеть, как выглядит та, которая ближайšie несколько недель будет делить с ним ложе. Но он, естественно, так не поступил. Вместо этого Завиан открыл дверь, и Акмаль опять чуть не получил по лбу.

– Думаю, вы все слышали, – сказал Завиан. – Мы останемся в Кьюзи еще на неделю после официального приема. Потом королева и я проведем месяц в Хейдаре. Вы можете передать эту информацию прессе вместе со свадебными фотографиями.

Лейла коротко кивнула и вышла из комнаты. А Завиан стоял выпрямившись, со сжатыми челюстями. Лейла на секунду остановилась.

– Когда новый пресс-релиз будет написан, принесите его мне на утверждение, – велела она Акмалю. И добавила, обернувшись к Завиану: – Я люблю лично проверять все, что передается в прессу. Уверена, вы поступаете так же.

Завиан не успокоился даже тогда, когда вертолет, который должен был доставить их в пустыню, оторвался от земли. Как Лейла решилась войти в его покои и так безапелляционно требовать объяснений? Как смела диктовать ему, что разумно, а что нет? Как рискнула говорить с ним, как равная с

равным? Ведь он – король Кьюзи, богатой, процветающей страны, где добывают и нефть, и редкого качества изумруды. Страны прогрессивной, где народ процветает, ведомый сильным правителем. Это ее страна нуждается в нем. Это жителям Хейдара требуется сильный лидер, который мог бы вывести их из мрака средневековья.

Завиан был зол и на себя. За то, что стал давать ей объяснения, принял ее правила игры, что-то обещал. Ему не очень нужна была жена, и уж точно не нужен был близкий человек. Ему вполне хватало общества себя самого.

Вид золотой россыпи песков внизу не утешил его. Бейджа, ее первая дама, летела с ними, и он почувствовал молчаливое неодобрение придворной, когда взял руку своей молодой жены и был приятно удивлен, увидев тонкие длинные пальцы и красивые, ухоженные, покрытые лаком ногти. Снять бы с нее покрывала и посмотреть, что за подарок лежит в его брачной корзине.

– Нас ожидает пир, – сказал Завиан и улыбнулся про себя, когда Лейла моргнула опущенными ресницами. Потом он наклонился, заглянул ей в глаза и увидел в них, впервые за все это время, волнение. Это его обрадовало. – А потом у нас будет другой праздник, – добавил он.

От вертолета до входа в огромный шатер была проложена ковровая дорожка. Люди, прислуживавшие королю, когда он приезжал в пустыню, вышли приветствовать их. Сейчас слуг было больше, чем обычно, – горничные Лейлы прибыли сю-

да и тоже приветствовали королевскую чету.

Было что-то непривычное в том, что у входа в это жилище рядом с его туфлями стояли ее украшенные драгоценными камнями туфельки. Обычно Завиан приезжал в пустыню один. Иногда он привозил с собой какую-нибудь любовницу, но, как правило, это было место, куда он удалялся, чтобы побыть наедине с собой.

А теперь он женат.

По потолку и стенам шатра было развешано множество колокольчиков. Их звон должен был предупреждать молодоженов о приближении слуг. Они звенели и сейчас, когда королевская чета следовала по коридорам во внутренние помещения. Воздух был напоен ароматами цветочных лепестков, разбросанных по толстым персидским коврам. Шелковая штора была отдернута. Завиан наблюдал, как Лейла вступила во внутреннее помещение. Оно было украшено традиционно: развешанные по стенам ковры, низкие диваны с богато вышитыми шелковыми подушками. Старинные зеркала в золотых рамах отражали мерцающий свет свечей и масляных ламп. На низком столе их ждали золотые тарелки с изысканными блюдами и кубки с напитками для свадебного пира. Один из лучших музыкантов Кьюзи играл на национальном инструменте каноне свадебные мелодии.

Все было замечательно.

Так почему же она не произнесла еще ни слова? Может быть, слишком устала? Может быть, думает, что шатры в пу-

стынях Хейдара выглядели бы жалкими по сравнению с этим жилищем?

«Или, – подумал он, увидев приближающуюся Бейджу, – Лейла взволнована из-за того, что ей скоро предстоит первая брачная ночь?»

Завиан молча смотрел, как Бейджа разворачивает, один за другим, слои золотых тканей, окутывавших фигуру его жены. Когда большинство покрывал было снято, у Завиана перехватило дух. Он совсем неправильно представлял себе формы, которые теперь постепенно открывались ему. Эти нежные женские изгибы привели его в восторг. Он медленно обошел вокруг Лейлы, откровенно любуясь ею. Похоже, ночь будет совсем не такой ужасной!

На Лейле было украшенное драгоценными камнями платье, которое доходило ей до колен, открывая стройные ноги. Ее кожа была удивительно бледной, даже для представительницы королевской семьи Хейдара.

Бейджа уже снимала вуаль, скрывавшую ее лицо. И когда его жена предстала перед ним, полностью освобожденная от покровов, Завиан на секунду забылся.

Лейла оказалась волшебно прекрасна!

Такой тонкой, благородной красоты он не мог себе даже вообразить. Длинные, вьющиеся, черные как вороново крыло волосы падали ей на спину и плечи, обрамляли нежное лицо. Ее щеки были нежно-розовыми, губы полными и мягкими и чуть-чуть дрожали. Только это дрожание и выдава-

ло ее волнение. Она была так очаровательна, так хрупка, так женственна, что Завиану даже показалось, что он неверно понял сказанные ею раньше резкие слова. Конечно, он не так ее понял: из этих губ могли исходить только сладкие, ласковые речи.

Он предложил ей руку, чтобы повести ее к накрытому столу, но она отказалась:

– Мне хотелось бы осмотреть это место.

– Конечно, – дружелюбно согласился Завиан. Слишком много впечатлений, подумал он. Она утомлена. И нервничает не из-за предстоящего обеда с ним, а из-за пира, который ждет их потом... – Я все покажу вам.

Но Лейла уже шла по его дворцу-шатру. Завиан почувствовал раздражение, что она все осматривает и обо всем выспрашивает.

Ее огромные глаза сузились, когда она повернулась к Бейдже:

– Где мой компьютер?

Когда первая дама стала извиняться за недосмотр, Завиан почувствовал, что с него достаточно:

– Это же ваш медовый месяц! Не собираетесь же вы работать...

– О! – Она повернулась.

Ее глаза блестели, полные губы оставались полуоткрытыми, и Завиан не мог смотреть ни на что, кроме них. Эти губы, такие желанные, должны бы молчать. Этот рот он хотел бы

наполнить фруктами со своего стола, а потом поцелуями...

– Я не думала, что мы будем узнавать друг друга целую неделю. – Она вопросительно улыбнулась. – Как я понимаю, вы хотели проводить время в пустыне...

– Конечно, дни я буду проводить в пустыне, – резко сказал Завиан. – По-моему, я поступаю правильно, проводя время с моей землей, испрашивая ее мудрых советов.

– И вы считаете, что я должна присоединиться к вам? – Ее лоб едва заметно нахмурился. – Мне было бы очень приятно...

– Нет! – Завиан должен был напрячь голос, чтобы он не звучал так хрипло. – Это время для размышлений наедине.

– Понимаю. – Лейла коротко кивнула, словно благодаря его, потом повернулась к Бейдже: – В этом случае мне нужен мой компьютер.

– Вертолет уже улетел, – заметил один из слуг и поспешно добавил: – Ваше величество.

– Хорошо. – Лейла сурово посмотрела на бойкого слугу. – Значит, он скоро будет во дворце. Пусть немедленно возвращается сюда с моим компьютером. В конце концов, – она снова улыбнулась Завиану, – я не должна целыми днями бродить тут без дела, пока мой муж просит наставлений у своей земли. Как-никак, я должна управлять королевством.

Она знала, что выглядит слишком жесткой, черствой, но таков был ее план. Это лучше, чем обнаруживать свои истинные чувства. На самом деле Лейла страшно волновалась,

точнее сказать, боялась. Весь день она балансировала на острие ножа – стоя в ожидании там, в дворцовом саду, когда минуты проходили одна за другой, а ее жених не являлся. Завиану этот брак был не нужен, а его сегодняшнее опоздание показало, сколь низкого он о ней мнения. Как ей хотелось, чтобы можно было просто повернуться и уйти!

Так она думала там, в саду, дрожа от горя и ярости под плотными покрывалами. А потом он пришел и встал рядом с ней – человек, который должен был стать ее мужем, не желавший жениться жених. И горе и ярость сменились смущением. Лейла знала, что король красив, до нее доходили слухи о его диких любовных приключениях.

И вот он встал рядом с ней. Все сразу засуетились, задвигались, заговорили. А потом все успокоилось. И стало иным. Она ощутила исходивший от него запах бергамота и мужчины – мужчины с ног до головы.

Лейла прошла в спальню, и вид широкой кровати смутил ее. Она отвернулась, отдернула штору и заглянула в ванную комнату, где ее должны были подготовить к первой брачной ночи. Повсюду были зеркала. Посередине помещения стояла большая ванна. В этой ванне ее должны омыть перед тем, как она потеряет девственность.

– Не желаете ли, чтобы теперь я показал вам сады?

Его сарказм вызвал у нее первую искреннюю улыбку.

– Я оценила прелесть ваших песков, когда вертолет садился, – ответила Лейла ему в тон. – Вероятно, содержание их в

таком порядке требует изрядных усилий.

– Невероятных! – поддержал ее игру Завиан, закатывая глаза, и ей захотелось рассмеяться.

Но она удержалась. Сейчас не время расслабляться. Не важно, что он – самый мужественный, головокружительно красивый мужчина, что такого она никогда раньше не видела. Не важно, что этот мужчина сегодня разделит с ней ложе и их тела сольются в одно. И не важно, что ей хочется броситься бежать, когда она его видит. Важно не выпустить ситуацию из рук и сразу же объявить о своих намерениях.

Если Завиан думает, что она будет молча ему подчиняться, он ошибается.

– Нам пора за стол, – сказал Завиан решительно, так решительно, что Лейла поняла: возражения были бы неуместны. – Нас ждет наш свадебный пир.

Она уселась за низкий стол, поджав ноги, коленями к Завиану, и вышколенный слуга наполнил два бокала сладким нектаром – густой смесью забродившего меда с фруктами и тертым миндалем. Этот нектар должен возбуждать желание, подогревать страсть. Его будут, как велит традиция, подавать им каждый день во время их пребывания в пустыне.

Лейла позволила Завиану поднести бокал к ее губам. Он вливал нектар ей в рот слишком быстро, и несколько капель попали ей на подбородок. Она стерла их и облизала пальцы, потому что надо было выпить все, до последней капли. Под-

нося Завиану его бокал, она чувствовала, что у нее дрожат руки.

Она этого не хотела. Не хотела подогревать его страсть.

«А ведь скоро ты будешь этому рада, – напомнила себе Лейла. – Скоро тебе будет приятно, что тот, кто призван стать твоим единственным любовником, отцом наследника трона Хейдара и других твоих детей, физически столь совершенен».

Надо пережить эту ночь, когда она впервые увидит обнаженное мужское тело, впервые исполнит свои супружеские обязанности. А со временем, может быть, его мужское естество перестанет пугать ее. Может быть, она скоро привыкнет...

Музыкант продолжал играть. Нежная мелодия действовала ей на нервы. Ее встревоженное сердце билось быстро-быстро и не хотело вторить медленному ритму музыки.

Лейла поднесла мужу бокал, смотрела, как он пьет, и страшилась этих губ, которые скоро сольются с ее губами, страшилась этого тела, тяжесть которого скоро должна познать.

Столько ночей она провела одна! Бейджа рассказала ей кое-что о том, что с ней будет, и обещала рассказать еще во время приготовления ее к брачной ночи.

Свадебный ужин был великолепен. Он состоял из фруктов и сладостей, которые не отягчают желудок, но обостряют чувства. В отличие от множества пышных блюд, которые подадут на стол во время официального приема.

Завиан съел и выпил все, что ему было подано. А она продолжала сидеть рядом с ним. Согласно обычаю. Они не разговаривали друг с другом. Только смотрели друг другу в глаза, наблюдали и ждали. Лишь в какую-то минуту он наклонился так близко, что она ощутила жар его тела.

Она пила мятный чай, чтобы освежить для него свое дыхание, а его взгляд скользил по ее телу, задерживался на крепкой груди. Лейла раньше не обращала особого внимания на свою грудь. Но теперь ее грудь ныла под его жадным взглядом. Вот их глаза встретились, и она чуть не задохнулась. Голова у нее вдруг закружилась, она вдруг ощутила желание почувствовать на своих губах вкус не фруктов, а его губ...

И Завиан решил, что она готова.

Время пришло. На какой-то миг в ее теле вспыхнула первая зарница вожделения. Его редкая красота, его странный аромат, его смелые взгляды пробудили в ней тягу к большему. Но Бейджа увела ее в ванную комнату, а Завиан отправился в постель.

Никогда прежде не испытывала Лейла такого ужаса и такого возбуждения. Какая-то часть ее существа готова была бежать прочь, в пустыню, другая стремилась к тому, что должно было произойти. Она уже не хотела, чтобы все прошло поскорее: ее плоть познала любопытство особого рода. Вдали от колдовского очарования Завиана она почти успокоилась.

В ванной комнате девушки омыли ее и умаслили благовониями. А Бейджа рассказывала ей, что будет дальше.

Возможно, процедура начнется с формального поцелуя. А потом король сделает все остальное. Она должна поднять ночную рубашку. У постели будет стоять сосуд с бальзамом. Надо бы, чтобы король им воспользовался. Но даже если нет, ее ванна полна маслами.

Бейджа уверяла, что это будет недолго. Король отнимет у нее девственность со второй, может быть, с третьей попытки. И, поскольку он уже готов исполнить свой супружеский долг, наверняка сразу примется за дело.

Но Лейла хотела чего-то еще. Хотела того, что призраком мелькнуло перед ней за столом.

– Должна я буду к нему прикасаться? – спросила Лейла. Она стремилась делать хорошо все, за что бралась, и ей вдруг захотелось стать хорошей любовницей своего мужа.

Но Бейджа только рассмеялась, и даже девушки захихикали. Они-то знали все о короле Завиане и его бесчисленных женщинах. Слухи быстро разносятся по королевским дворцам, даже если королевства далеко друг от друга. У Бейджи был двоюродный брат, он служил в покоях королевского дворца Кьюзи и знал, сколько женщин ожидают очереди лечь в постель короля, как только Лейла и Завиан благополучно разъедутся по домам.

Тело Лейлы нужно только для одной цели. Об остальном она не должна волноваться.

– Всем остальным займутся его любовницы, – говорила Бейджа, стараясь ее подбодрить. Но эти слова падали Лейле в сердце, точно тяжелые камни. Холодные, жестокие, они вызвали новое чувство – ревность к неведомым женщинам, которые будут удовлетворять самые интимные потребности ее мужа. – Не тревожьтесь, ваше величество, – продолжала Бейджа, обращаясь к ней формально, как всегда в присутствии слуганок. – Вам придется терпеть его внимание день или два в месяц, и только пока наследник не будет зачат. А потом у вас будет по крайней мере год отдыха.

На ее влажное умасленное тело набросили ночную рубашку, волосы подобрали, губы подкрасили. Итак, она готова.

Лейла раздвинула шторы и вошла в его опочивальню.

Комнату освещали свечи и масляные лампы. В зале, нарушая тишину пустыни, все еще звучала музыка. Нежные, томные звуки должны были облегчить ее путь в его объятия.

Завиан лежал на кровати – наверняка обнаженный, укрытый до пояса шелковым покрывалом. Он был великолепен и без парадной формы. Его широкая грудь и длинные мускулистые руки избавляли дворцового портного от необходимости подчеркивать его мужественность покроем одежды. Но что это? На его запястьях темнели глубокие шрамы. В неровном свете свечей Лейла сначала приняла их за украшение. Но это были шрамы. Впрочем, не ее дело было их замечать. Она посмотрела на его лицо – его выражение немного смяг-

чилось при ее приближении.

На минуту Лейла пожалела, что она – его жена, а не любовница. Ночная рубашка, когда она легла на кровать рядом с ним, прилипла к ее обильно смазанному благовониями телу.

– Не волнуйся.

– Я не волнуюсь, – ответила она, вся дрожа.

Он поцеловал ее. Она чувствовала, как его губы давят на ее губы, а язык проталкивается между ними, и постаралась ответить на его поцелуй, копируя движения его губ.

Будучи принцессой, а потом королевой, Лейла не знала поцелуев, не знала никаких ласк. И страдала от отсутствия опыта, стыдилась своей невинности. Она не могла наслаждаться его поцелуем. Она чувствовала давление его могучего, длинного мужского оружия на свое бедро, и содрогалась, и молилась, чтобы он воспользовался маслом.

Она подняла ночную рубашку.

– Не надо спешить.

Завиан откинул голову назад. Он хотел продолжать целовать ее, чтобы она успокоилась хоть немного, получила хоть немного удовольствия. И услышал ответ, сказанный слабым голосом:

– Я хотела бы, чтобы это кончилось поскорее.

«Что ж, пусть будет так», – подумал Завиан и спросил себя, будет ли совсем неприлично, если он призовет наложницу в свой медовый месяц?

Он любил секс, и ему всегда было мало. Но эта бойкая производительница, которая легла с ним в постель исключительно из деловых соображений, совершенно не походила на ту полную желанная женщину, которую он готовил за ужином к брачной ночи. Если она хочет отделаться поскорее, что ж, он тоже этого хочет. Он не эгоист.

Завиан погрузил пальцы в золотое блюдо у кровати и смазал маслом ее нежную розовую кожу. Ее теплота добавила ему злости. Но свой долг он исполнит.

Лейле показалось, что то, что пугало ее своей длиной, стало еще длиннее, и ее горло сжалось. Она почувствовала его руку там, внизу, и ее почти замутило. Он увидел ее полный ужаса и восторга взгляд и, вытянув пальцы, ласково погладил и стал ласкать ее.

Ей захотелось сжать ноги, избавиться от его прикосновений. Все это неправильно – этот секс, эти ласки, прикосновения. Все это он потом будет дарить кому-то другому.

– Теперь ты смажь меня маслом.

Ему нравилось ласкать ее, чувствовать под пальцами ее влажную кожу, а она чувствовала легкие, настойчивые надавливания, от которых у нее словно щекотало где-то в желудке. Она опустила пальцы в масло.

Об этом Бейджа ее не предупредила. Не предупредила, что и ее пальцы должны стать шелковисто-жирными. Она не хотела прикасаться к нему. Но, может быть, потом это ей поможет? Она заставила себя это сделать. Быстрыми движе-

ями дрожащих пальцев смазала мужской орган по всей длине, отвернувшись, чтобы не видеть, как он огромен.

– Еще.

Он продолжал ласкать ее. В ее желудке и ногах появилась какая-то тяжесть, и это не понравилось Лейле. Ей не нравились эти непривычные ощущения, эта странная слабость, эта пустота в голове. Ей хотелось вернуть привычный контроль над ситуацией, прекратить эти бессмысленные упражнения. Она может сейчас зачать ребенка. День свадьбы был назначен с учетом ее цикла. Надо быть смелой, завершить все это и вновь обрести способность думать.

– Немедленно, – сказала она, отстранив его руку. – Сделай это немедленно.

Завиана утомили ее увертки. На какой-то миг она раскрылась перед ним, но не захотела продолжить, не захотела изведать наслаждение.

Он надеялся на большее. Скверно, потому что она прекрасна – ее спелая плоть, ее черные волосы. Эти полные губы могли бы целовать, если бы научились. Это тело могло бы познать блаженство, если бы она ему позволила.

– Сними рубашку, – сказал Завиан. Ему нужен был какой-то стимул, чтобы продолжить. Она подчинилась, и он увидел этот стимул – ее красоту. Завиан опустил на нее, и она добросовестно раздвинула ноги.

Он – король, и ему надо исполнить свой долг.

Но он нервничал.

В первый раз Завиан испытал подобие страха перед женщиной, которой должен был овладеть. Чтобы набраться смелости, он представил себе ее тело и на минуту опустил голову, чтобы поцеловать ее грудь, коснуться губами соска – хотя бы для собственного удовольствия. Он даже попытался заставить ее ответить, но безуспешно.

Лейла пришла в ужас: решающий момент наступил. Конечно, она не могла показать мужу свой страх. Она никогда ни перед кем не проявляла слабости. Она – королева. Она всегда уверена в себе, всегда владеет ситуацией.

Завиан коснулся щекой ее лица и обнаружил на ее щеках слезы. Он был готов войти в нее. Он знал, что она хочет, чтобы все это поскорее осталось позади, и, несмотря на эти слезы, злился.

Она не хочет даже попытаться получить удовольствие!

В последний момент в нем проснулась странная нежность. Не соль ее слез, не ее красота заставили его спросить себя, правильно ли он поступает, а она сама. Его интересовала эта женщина. Эта рассерженная, взъерошенная женщина просто нервничала, и Завиан признал, что тут была доля и его вины.

Она берегла себя для него. Естественно. По-другому и не могло быть. Невеста короля по определению должна быть девственницей. Но он слишком долго откладывал бракосочетание, слишком долго лишал ее наслаждения. Отказывал ей в тепле, в поддержке – до сегодняшнего дня.

И вдруг он увидел будущее. Будущее, которое могло бы принадлежать ей, если бы она согласилась его принять. И захотел, чтобы и она увидела, чтобы исчезли долг и обязанности, чтобы и она познала утешение, которое он познал сегодня ночью.

— Это не обязательно должно быть так. — В последнюю минуту Завиан удержался, ощутил губами ее слезы. — Это не должно быть только обязанностью. — Он прижался ртом к ее щеке, попробовал успокоить ее, но она отвернулась.

Лейла не могла объяснить своих слез. Но поучения Бейджи до сих пор звучали у нее в ушах. Какой смысл в близости, в том, чтобы отдаться Завиану, если потом им завладеют другие?

— Вы можете ласкать ваших любовниц, — фыркнула Лейла. — Пусть они с вами воркуют, рассказывают, какой вы замечательный. А я хочу, чтобы все это было позади.

— Зачем мне любовницы? — прошептал Завиан ей в ухо.

— Вы обязательно их заведете. Я буду в Хейдаре, вы здесь...

Ага, значит, мы ревнуем! Завиан улыбнулся, чувствуя победу. Но что-то внутри его менялось, пока он держал ее в объятиях.

Лейла — королева. Он обнимал женщину, равную себе. И дело не в титуле. Она бросила ему вызов, и он хотел ответить, хотел завладеть ею. Завладеть целиком, может быть?

Но тогда нужно отдать ей себя.

– Зачем нам любовники, – его губы касались ее уха, – если мы удовлетворяем друг друга? – Одна его рука ласкала ее бедра, другая – грудь. Потом он дотянулся губами до соска и поцеловал его, а она смотрела, не отрываясь, на его рот. – У нас столько самолетов. Мы всегда можем... – Он поднял смеющиеся глаза. – И потом, есть же телефон.

Лейла сердито фыркнула, представив себе, как, лежа одна в своей постели, шепчет ему нежные слова по телефону. А между тем они могли бы получать столько радости рядом друг с другом. Может быть, Бейджа не права? Может быть, они могут строить свою жизнь по-иному, не так, как велит старинный обычай?

– Лейла, дать тебе наслаждение – мой долг. А я, хотя сегодня утром ты могла подумать иначе, серьезно отношусь к своему долгу.

Завиан прижался щекой к ее животу, и целовал, и ласкал ее, и убеждал руками и губами, что это ее право, что она может попасть в тот мир, где разделит с ним тайну, для обладания которой создала ее сама природа. А потом его губы скользнули вниз, и он поцеловал ее самое нежное место, и понял, что теперь она принадлежит ему.

Он любил женщин. Любил чувствовать, как они тают в его объятиях. Но никогда не испытывал удовольствия большего, чем испытал в тот момент, когда вздрагивания ее бедер и слабые вздохи сказали ему, что она готова его принять. Но он

хотел поцелуя, хотел, чтобы эти губы, которые сказали ему столь горькие слова, смягчились под его губами. Он снова поцеловал ее, и на этот раз она ответила.

Ее грудь распласталась под его грудью, ее ноги обвилились вокруг его ног, ее пальцы утонули в его волосах. Он почти забыл о ее невинности и готов был войти в нее, потому что она жаждала его, требовала его отчаянно, яростно. Она всхлипнула, и Завиан ужаснулся собственной дикости, испугался, что слишком спешит, поднял голову, увидел ее слезы и удержал себя. И она расслабилась под ним, как если бы стала свободной, как если бы он каким-то образом подарил ей свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.